

Игорь КИРИЛЛОВ: «Сочли, что я не нужен»

Маск. новости - 1993. - 9 мая - с. В13

Когда мы с Игорем Кирилловым шли по редакционному коридору, я встречала любопытные взгляды коллег, которых, казалось бы, никакими знаменитостями не удивишь. Видимо, дело в том, что Игорь Кириллов не знаменитость, а почти символ эпохи, которая в жизни каждого из нас занимает свое место. «Я — пенсионер», — сказал о себе Кириллов, одной фразой ответив на многие вопросы, которые я собиралась ему задать.

Что произошло с дикторской школой на телевидении? Многие программы отданы крутым, но в то же время очень скованным ведущим. Девочки в «Новостях» телеканала «2x2» выглядят так, будто их попросили «посидеть тут», пока настоящий ведущий выпьет за кадром чашку кофе. Некоторые дикторы читают программу передач так, словно говорят на русском языке в первый и последний раз. Как появляются эти люди на телевидении? Кто и по каким критериям их отбирает?

— По-моему, вы немножко злобствуете. Неужели они все такие плохие?

— Может быть, они и хорошие, но я не понимаю, почему сегодня дикторы смотрят в камеру так, будто ждут, когда она выстрелит. Где все ваши девочки — Майя Сидорова, Валерия Рижская, Ирина Мартынова?

— Все за границы. Все уехали. Отдел дикторов заметно сокращен, и многие просто уволены в никуда. Те, кто не уволен... Вера Шебеко и Аза Лихитченко теперь редакторы. В отделе писем работает Галя Зименкова, конечно, это не лучшее применение ее возможностям. Жаль, что люди ушли из эфира в момент расцвета своих сил. Резкое отторжение дикторов произошло после путча. Это, наверное, естественный процесс, ничего не сделаешь, но, с другой стороны, такое отношение к кадрам только у нас может быть.

— Может быть, профессия диктора умерла?

— Знаете, в период «оттепели», когда так же, как и сейчас, наблюдалось интенсивное вытеснение дикторов журналистами, нашей профессии предсказывали гибель. Я не думаю,

что она умерла, на мой взгляд, она находится в процессе перерождения. Я вам расскажу одну историю, извините, я очень косноязычен, нервничаю и мне трудно говорить, но я хочу, чтобы вы поняли. В том, что сейчас происходит, я чувствую вину за собой.

В свое время я предложил программу, которая и сегодня не выглядит анахронизмом, может быть, это не скромно, но мне так кажется. Суть ее заключалась в том, что профессия диктора предполагает не только исполнительскую технику, она невозможна без авторских данных, владения основами режиссуры, умения человека написать и интерпретировать текст, то есть стоять не в самом конце эфирной цепочки. Мы хотели, чтобы все дикторы нашли себя и у каждого был бы свой круг передач. Но не получилось. Многим дикторам пришлось бы резко менять образ жизни. Понимаете? Ведь эта профессия немножко развращала — люди приходили на готовый текст. Однако начали все-таки, пробы были. Но потом «оттепель» кончилась, и руководство стало препятствовать этому, потому что понадобились Дикторы Дикторовичи и Дикторины Дикторовны.

— В чем же ваша вина?

— Я не отстоял эту концепцию, не проявил, не знаю, жесткости или жестокости. Ведь пришлось бы значительно изменить состав отдела. А сегодняшняя ситуация эту концепцию подтверждает: те из дикторов, кто нашел себя как автор или ведущий, выжили — Юрий Николаев, Ангелина Вовк, Татьяна Веденеева. Кроме того, была замечательная идея, которая не состоялась, — создать школу молодого диктора и брать туда людей не в 25 лет, а в 17 — 18, чтобы к 20 годам на экране появлялся профессионал.

Меня очень радует, что сегодня на телевидении появилось много ярких и талантливых журналистов. Но не все они достаточно подготовлены к тому, чтобы были хорошими ведущими. У них блестящие данные, но отсутствие исполнительской школы, умения общаться, хорошо держать слово мешает им стать телевизионными профессионалами. Я уже не говорю о том, что речь многих засорена ошибками.

— Они не обращаются к вам за помощью?

— Нет, нет. У нас раньше была Флоренция Леонидовна Агеенко — автор словаря для работников радио и телевидения, ее уволили за ненадобностью. Эталон языка всегда был на радио, и телевидению долгое время удавалось

поддерживать эти традиции, к языку относились с болью и вниманием, не так, как сейчас. Кстати, Чехов еще в конце прошлого века писал о необходимости ввести уже в младших классах гимназий уроки ораторского мастерства, чтобы люди умели ясно и выразительно излагать свои мысли...

— Значит, ваш отдел...

— Что значит «мой отдел»? Я ведь уже три года там не работаю.

— Вы сами оттуда ушли?

— Нет, не сам. Сочли, что я не нужен. Людям, появившимся на экране совсем недавно, нужна очень серьезная помощь. Это, как балет — мои соседи Максимова и Васильев, дома работают, как звери. В профессии диктора и ведущего тоже есть свой класс и свой станок, без них нельзя. Раньше у нас на каждого диктора была кассета, где в течение нескольких месяцев накапывались записи. Наступал час — комиссия приглашала человека, просматривала кассету, что-то подсказывала. Эти обсуждения не обходились без проблем — кто-то плакал, но это помогало, этот «класс» свое дело делал.

— Сейчас такие просмотры есть?

— Не знаю.

— И как проходят конкурсные отборы, если проходят, тоже не знаете?

— Нет. Меня не приглашают, ну а сам я называться не могу.

— У вас уже нет сил отстаивать свою точку зрения на профессию?

— Конечно, нет. Время ушло. За 22 года, что я был руководителем отдела дикторов, я прожил 44, если не 66 лет. Это сложно. Нужно ведь бороться не только с начальством, но и с самим собой, быть уверенным в том, что поступаешь правильно.

— Но ведь у вас есть профессиональный авторитет — разве это ничего не значит?

— Сейчас на авторитеты никто не обращает внимания. Это вы ошибаетесь. И вообще надо переходить на другую работу — дрова пилить или шофером работать. Ну сколько можно на телевидении?

— Что пилить?

— Я говорю это в том смысле, что всему свое время. Меняется телевидение — меняются люди. Может быть, сегодня в погоне за молодыми личиками забыли о том, что наша профессия основана на интеллекте.

Марина ПОДЗОРОВА